

Критическое переиздание «Белорусско-русского словаря» Яна Станкевича

Представляя второе, критическое издание «Белорусско-русского словаря» Яна Станкевича на читательский суд, позволю себе поделиться рядом соображений.

Но в начале несколько слов предыстории.

«Белорусско-русский словарь» — финальный и самый масштабный труд языковеда Яна Станкевича (1891-1976). Автор работал над ним большую часть своей жизни. Как следует из материалов словаря, работа над им велась вплоть до 1974-1975 годов.

В 1989 г., спустя 13 лет после смерти автора, в США вышло первое издание словаря. Подготовку оригинал-макета к печати осуществил сын автора Юрий (Юрка) Станкевич. Его брат Вячеслав (Вячка) взял на себя решение организационных вопросов.

Издатели прилагали усилия, чтобы этот труд был доступен в Беларуси¹.

Первое обсуждение идеи переиздания словаря с участием Юрия и Вячеслава Станкевичей состоялось в Праге в конце 1990-х гг. Однако реальная работа над переизданием началась лишь в конце 2000-х, когда в нашем издательстве вышли все основные работы Яна Станкевича, за исключением перевода Библии на белорусский язык².

Следует сразу признать, что приступая к подготовке переиздания к печати, мы не представляли, насколько тяжелой ношу взваливаем на себя.

В итоге работа над ним заняла примерно столько же времени, что и подготовка к печати первого издания.

Как и в случае трех перечисленных выше изданий Яна Станкевича, переиздание словаря готовилось вне научных учреждений (его публикация структурами официальной науки пока вряд ли возможна). Текстологическая обработка, редактура и корректура велись силами двух человек, Галины Ребенковой (до 2012 г.) и Валера Булгакова (начиная с 2013-го).

Дискуссия по поводу глубины редакторского вмешательства изначально не проводилась, и инициаторы переиздания исходили из того, что последнее потребует существенно технических перестановок и косметической правки материала.

К сожалению, эти ожидания оказались напрасными. На пути к переизданию встал ряд трудоемких проблем, решение которых привело к серьезной переработке содержания в словаре материала.

Пуризм, национализм и лексикография: общая рамка

В предисловии автора к словарю мы не найдем ответа на вопрос, чем тот руководствовался при отборе лексического материала.

В нем автор делится деталями своей биографии, сетует на то, что словарь далёк от полноты, рассуждает об особом месте белорусского языка среди славянских язы-

¹ Ознакомиться с изданием лично мне посчастливилось вскоре после его выхода, в 1990 г. А в 1991 г. издатель Юрий Станкевич переслал почтой ставшим моим личным экземпляром — с посвящением «Сябру Валерку Булгакову ад Юркі Станкевіча. Каляды, 1991».

² В 2002 г. увидели свет лингвистические штудии. («Збор твораў у двух тамах». Том 1. 552 с. Том 2. 586 с.; в 2007 переизданы по названию «Язык і языкаведа» (1214 с.); в 2003 — историографические («Гістарычныя творы» (776 с.)), переизданы в 2010 под названием «Крыўя-Беларусь у мінуласьці»; публицистика («За родную мову й праўдзівы назоў», 742 с.) была опубликована в 2006 и переиздана в 2013.

ков и высказывает суждения об ареале его распространения («*вплоть до границ с Мордовией на востоке*»).

Из предисловия можно сделать вывод, что автор изначально поставил себе нереалистическую цель — создание «полного» словаря. По подсчетам Галины Ребенковой, всего в нем содержится более 30 тыс. слов — что почти в 10 раз меньше, чем у «Вялікім слоўніку беларускай мовы» Федора Пискунова³.

Поскольку в предисловии не прописаны ни теоретические принципы, ни методологические основания, которыми руководствовался автор при составлении словаря, попробуем их реконструировать исходя из авторских умозаключений и логики самого материала:

— словарь должен быть как можно более полон, но в нем должна быть представлена лишь самобытная лексика, подчеркивающая дистанцию белорусского от других славянских языков, особенно от русского. С этой целью в словаре отражены не только записи живой белорусской речи, но и материалы из памятников старобелорусского языка, в том числе из татарских аль-китабов;

— словарь должен представлять лексику со всей белорусской этнографической территории — так, как ее понимает автор. И в самом деле, в словаре есть записи говоров Псковщины, Смоленщины, Брянщины, Тульщины, Орловщины и т.д. Упомянутое замечание о границе с Мордовией наводит на мысль, что автор считал говоры Рязани также белорусскими. Несмотря на то, что оно прямо переключается с мнением украинско-американского лингвиста Юрия Шевелева о формировании белорусского языка в XVI веке на базе полоцко-рязанских диалектов, высказанное в монографии, с которой Станкевич был знаком⁴, я склонен видеть в нем скорее идеологический, чем строго научный подтекст;

— в словаре есть место только чистому белорусскому языку и, следовательно, нет места варваризмам и неосвоенным заимствованиям («*в языке есть и свои собственные формы и слова*»).

В словаре наблюдается малое присутствие интернациональной лексики, равно как и наименований технологических и гуманитарных реалий середины XX в. — времени его создания. Гораздо лучше в нем представлены реалии крестьянского быта и труда XIX — начала XX в., которые для современного человека могут представлять лишь этнографический интерес.

Это — результат авторского ранжирования источников, материалы которых легли в основу словаря. С точки зрения автора — языкового пуриста — этнографические записи и лексикографические труды XIX — начала XX в. (как, впрочем, и памятники старобелорусского языка) обладали большей ценностью, чем современные записи. Как националист-примордиалист, Ян Станкевич считал, что когда-то давно, во время «золотого века» белорусской культуры, существовал некий стандарт чистого белорусского языка, отраженный в его исторических памятниках. В русле «археологии знания» словарь был задуман как средство реконструкции данного стандарта.

— назначение словаря не ограничивается чисто научными целями. Словарь — орудие идеологической борьбы, вызов колониальному порабощению (как пишет автор, «*я — национально активный представитель порабощенного народа*»).

К сожалению, реализация данных принципов в словаре придала ему печать произвольности и бессистемности.

Ставка на создание полного, представляющего чистую, подлинно народную, самобытную лексику обернулась тем, что львиная доля слов, общих для белорусско-

³ Пискуноў Ф. А. Вялікі слоўнік беларускай мовы: арфаграфія, акцэнтацыя, парадыгматыка (каля 223 000 слоў). Мінск: Тэхналогія, 2012.

⁴ Serech Yuri. Problems in the Formation of Belorussian. New York: Linguistic Circle of New York, 1953. — VI. (Suppl. to «Word». 1953. Vol. 9. Monograph series; No. 2). P. 93.

го и (восточно)славянских языков, а также неосвоенных заимствований, оказалась за его пределами.

Еще одно следствие подобного подхода — засилье в словаре диалектизмов, устаревших слов, неологизмов, вулгаризмов и, в особенности, просторечных форм и экспрессивной лексики. Автор массово вводил в словник слова «низкого стиля», либо вообще не зафиксированные в нормативных изданиях подобного рода, либо маркированные в них стилистически. К примеру, в нем представлены богатые, насчитывающие не один десяток слов синонимические ряды со значением «*бить*, *коло-тить*», «*пустомеля*», «*недотёпа*» и т.д.

Вследствие этого, перед нами скорее не «белорусско-русской словарь» как таковой, а пособие по изучению лексики белорусского языка, дополнительной к общеупотребительной. Некоторые лексические пласты в нем раскрыты достаточно полно, некоторые, не воспринимавшиеся автором в качестве «чистых» — нет.

Утрата оригинал-макета, отказ от экспериментального алфавита: начальные затруднения

Несмотря на то, что оригинал-макет издания 1989 г. был выполнен в одной из ранних программ компьютерной верстки, по словам Юрия Станкевича, он был утерян.

Работу над переизданием пришлось начинать с чистого листа, т.е. с набора и корректорской вычитки набранного текста.

Следует также отметить, что в первом издании при размещении словарных статей был последовательно выдержан экспериментальный авторский алфавит.

При переиздании от него отказались в пользу общепринятого, чтобы облегчить пользование словарем⁵.

Нарушение издательских/академических стандартов

Гораздо более серьезным вызовом стало постепенное осознание того, что уровень первого издания не соответствует стандартным требованиям к таким изданиям. Следовательно, ограничиться лишь перестановкой словарных статей согласно общепринятому алфавиту и корректорской вычиткой не удастся.

Причины данного факта лежат на поверхности.

Составление словаря, равно как и подготовка его к печати, происходило в режиме личной инициативы, вне научных институтов и сколько-нибудь публичных обсуждений.

Соответственно, словарь ни этапе создания, ни на этапе подготовки к выходу не имел ни научного, ни обычного издательского редактора.

В ходе написания словаря это вряд ли было возможно в силу статуса автора, не аффилированного с академическими структурами, а также его установкой продвигать собственное видение языка несмотря на реакцию общественности и научного сообщества.

Да и специализированного белорусского издательства, способного на высоком уровне осуществить столь амбициозный проект, за рубежом никогда не существовало.

⁵ Использование стандартного алфавита (равно как и удаление из заглавного титула словаря варианта *великолитовский*) было одним из требований Юрия и Вячеслава Станкевичей. По этой причине переиздание озаглавлено «Белорусско-русский словарь» (а не «Белорусско-русский (великолитовский-русский) словарь», как в случае первого издания).

После смерти автора у членов его семьи стояла задача издать рукопись словаря с максимально малыми издержками. Издание готовилось к печати своими силами, без привлечения специалистов извне.

Ниже я поясню более подробно, что имеется в виду под утверждением, что издание 1989 г. не соответствовало предъявляемым стандартам.

Исправленные авторские решения

Произвольная правка иллюстративного материала

Автор словаря производил произвольные, продиктованные своим языковым чувством правки иллюстраций в словарных статьях. Несмотря на нарушение поэтического ритма и размера, редактировались даже цитаты из поэтических произведений.

Это утверждение относится и к любым иным источникам, в том числе лексикографическим. Автор активно правил иллюстративный материал, взятый, к примеру, из «Словаря белорусского наречия» Ивана Носовича.

При подготовке переиздания по мере возможности была произведена перепроверка иллюстративного материала. В случае наличия в нем произвольных правок последние были аннулированы.

Надо отметить, что полностью отследить наличие подобных правок невозможно, поскольку в таком случае пришлось бы проделать работу, сопоставимую с работой по составлению самого словаря. Кроме этого, автор в иллюстративной части статей использовал лексику из источников, неопубликованных либо недоступных по тем или иным причинам.

Использование иллюстративного материала из неопубликованных/ недоступных источников

В случае, если иллюстративный материал использовался из неопубликованных либо недоступных источников, его верификация была невозможна.

При переиздании малосущественный иллюстративный материал, который невозможно было верифицировать, мог быть снят.

Однако снятие всего иллюстративного материала из таких источников, как Аль-Китаб Ивана Луцкевича, повлекло бы существенное обеднение переиздания.

В случае Аль-Китаба Ивана Луцкевича была удалена лишь нумерация страниц в транскрипции рукописи. Эта информация была лишена практического смысла, так как этот памятник не был опубликован при жизни автора. Он увидел свет лишь в 2009 г. в транскрипции, отличной от той, которой пользовался автор при составлении словаря⁶.

Использование в пояснительной части лексики, не описанной в словаре

Неписанное правило составления любого словаря состоит в том, что для объяснения/иллюстрации значения одних слов нельзя использовать другие слова со значе-

⁶ См. Miškinienė Galina. Ivano Luckevičiaus kitabas — Lietuvos totorių kultūros paminklas. Vilnius: Lietuvių kalbos institutas, 2009.

нием, не описанным в данном словаре, либо неясным для рядового читателя. В то же время, в пояснительной и иллюстративной частях первого издания использовались слова и выражения, о значениях которых приходилось лишь догадываться.

Замеченные случаи при переиздании были исправлены путем добавления в словарный реестр отсутствующих слов и выражений. Однако сколько-нибудь полной проверки иллюстративного материала на наличие в иллюстрациях лексики, не описанной в словаре, не проводилось.

Описательное толкование слов/выражений белорусского языка, имеющих прямые эквиваленты в русском

В первом издании словаря подобные случаи имели далеко не единичный характер. Это, с одной стороны, можно объяснить идеологической установкой автора, упомянутой в предисловии к словарю: *«От русского языка... белорусский язык отстоит значительно дальше, чем от ...западных славянских языков»*. С другой стороны, нельзя исключать, что данные случаи имели место в силу того, что автор не владел русским литературным языком в достаточной мере.

Для иллюстрации приведем следующий пример. В первом издании имеются две статьи с толкованием слова **кавярзьні** (диалектный вариант — **кывярзьні**).

● **кавярзьні**, -нёў мн. (один **кавярзьень**)
лапти Ксл., босовики, летние лапти на босую ногу Даль; уменьш. кавярзёнчык, -ка, предл. -ку м. лапоток МГсл.

● **кывярзьні**, -нёў, -нём, предл. -нёх мн.
вид лаптей с двойной или тройной подошвой, для прочности подшитой паклей НК: Очерки.

Ни в первом, ни во втором случае не дается прямой эквивалент слова в русском — **каверзни**.

В переиздании словарная статья выглядит так:

● **кавярзьні**, -нёў мн. (один **кавярзьень**)
каверзни, лапти с двойной или тройной подошвой, для прочности подшитой паклей НК: Очерки, Ксл., Даль; уменьш. кавярзёнчык, -ка, предл. -ку м. лапоток МГсл.

Нарушения, обусловленные отсутствием редактуры

— *Неполное и произвольное описание источников.*

По нашим подсчетам, в соответствующем параграфе первого издания было описано не более 20—30 % фактически использованных источников. При переиздании была произведена их верификация, однако в ряде случаев достоверно установить, какими источниками пользовался автор, не удалось.

— *Неполное и произвольное употребление условных сокращений.*

Несмотря на наличие в начале издания внушительного перечня условных сокращений, в первом издании словаря они употреблялись произвольно и бессистемно.

К примеру, не более 10 % содержащихся в словаре ботанических терминов имели соответствующую помету *бот.*

При переиздании в замеченных случаях соответствующие пометы были расставлены.

— *Неполное и произвольное подведение перекрестных ссылок.*

В первом издании словаря не были последовательно подведены перекрестные ссылки для обозначения синонимических рядов. При переиздании в замеченных случаях соответствующие ссылки были расставлены.

— *Непоследовательное употребление латинских эквивалентов терминологической лексики.*

Этот недочет особенно относился к ботанической терминологии, содержащейся в первом издании. При переиздании соответствующая терминологическая лексика была снабжена латинскими эквивалентами.

— *Непоследовательное подведение русскоязычных эквивалентов пословиц и поговорок.*

В первом издании словаря не были последовательно подведены русскоязычные эквиваленты содержащихся в нем пословиц и поговорок. В переиздании соответствующая работа была проведена, но не была окончена в силу ряда причин.

Заключение

Первое издание словаря не соответствовало издательским стандартам, предъявляемым к подобного рода научной литературе. Данное переиздание им также полностью не соответствует и, признаться, представляет собой по существу промежуточную редакцию, требующую серьезной доработки.

Вместе с тем, мы надеемся, что этим переизданием сделан шаг вперед в плане повышения качества оригинальной публикации.

Может встать вопрос: зачем мы вообще взялись за переиздание столь проблемной книги?

Вне всякого сомнения, это важная новаторская работа, ломающая стереотипы как в отношении белорусского языка, так и в отношении того, как должен выглядеть переводной белорусско-русский словарь.

Кроме того, нами был накоплен ценный опыт, который можно использовать для доработки словаря в последующем.

Однако эта перспектива зависит целиком от того, как данное переиздание будет принято заинтересованным сообществом.

Валер Булгаков